

Независимая газета. - 1998, - 27 мая, - с. 7

КЛОП МАКСИМКА И СВИНЬЯ АЛЛА

Вход в рассказ Людмилы Петрушевской

Сергей Поволяев

ЕСТЬ два рода прозаиков: те, которые пишут рассказы, романы и повести, и те, которые пишут рассказы. «Настоящий писатель» в народном сознании ассоциируется именно с романистом. Великий — тем более. Тургенев, Достоевский, Толстой, Солженицын.

Второй род прозаиков — отчаянные люди. Ведь чтобы, скажем, прославиться, заработать какое-никакое имя, романисту достаточно написать один хороший роман. Рассказчик же должен изо дня в день, из года в год не покладая рук писать рассказы — один лучше другого. Романисту достаточно написать роман хороший, у рассказчика же все рассказы должны быть гениальными. Таков Бунин. Таков Бабель. Такова Людмила Петрушевская.

Конечно, есть у нее и относительно большие произведения, например, повесть «Время ночь». Есть и большая пьеса «Три девушки в голубом» (но чаще пьески — те же рассказы). Но это все же исключение, хотя и блестящее. К тому же все равно — не роман. И, думается, тут не столько неумение (нежелание, лень, боязнь етс.) писать объемные вещи, сколько сознательный выбор. Любый профессиональный прозаик может написать роман. Вот, скажем, Сорокин, являющийся рассказчиком по сути, пишет же. Или тот же Пелевин. Не скажу, что причиной всех этих романов, написанных рассказчиками, является тайное (или явное) желание получить какую-нибудь премию, стать «настоящим писателем» или что-нибудь в этом роде. Не скажу даже и того, что эти романы неудачны. Нет, конечно, талант, как говорится, не пропьешь. Но все-таки рассказчик — это прежде всего рассказчик. И надо иметь немалое мужество, чтобы признать себя таковым. Рассказчику много труднее добиться признания, чем романисту, но и много почетнее.

Людмила Петрушевская такого признания добилась. Теперь каждый ее рассказ встречается с гораздо большим вниманием, чем многие из романов. В литературных журналах та же картина: именно на ее рассказе, а не на чем-нибудь романе может держаться весь номер. Одна ее малосенькая сказка про каких-нибудь Калущу и Помика заметнее больших романов и повестей известных писателей.

Вообще же у Петрушевской гораздо больше именно сказок, а не рассказов. Так что, вероятно, не Бунин и Бабель ей ближе всего, а, например, Даниил Хармс. Хармс ведь абсолютно детский писатель. И Петрушевская прежде всего — это детский писатель. Веселый, абсурдный, трагичный. Отличие ее от иных детских писателей, пишущих гораздо больше для взрослых, но находивших у них признание все

же меньше, чем у детей, в том, что она (кстати, как и Хармс) вошла в сознание читателя именно взрослыми своими вещами, а не детскими. Серьезными, а не забавными. И в этом ее удача: юмор серьезного писателя всегда воспринимается лучше, чем серьезные произведения юмориста. Так же и детские вещи взрослого писателя читают охотнее, нежели взрослые тексты писателя детского.

Но, разумеется, в творчестве Петрушевской гораздо больше веселого и детского, чем серьезного и взрослого. Что же касается так называемой «чернухи», то это все, как и баба-яга или Кошей Бесмертный, — выдумки. Проза Петрушевской трагична, настоящая же «чернуха» антитрагична, потому что в ней нет места юмору. «Чернуха» абсолютно серьезна.

Некоторые же рассказы Людмилы Петрушевской потому скорее всего стараются причислить к «чернухе», что, взятые отдельно, они выглядят совершенно иначе, чем вместе с другими. Если прочитать только один рассказ Петрушевской (из тех, разумеется, что относятся к «черным», трагичным, мрачным), то впечатление действительно может быть весьма не веселым, тягостным. Так сказать, без света впереди. Как в метро, когда и так плохо, и так маешься, а тут еще и надпись «ВЫХОДА НЕТ». Но это если только один рассказ. Если же читать Людмилу Петрушевскую подряд (а это, к счастью, несложно — рассказы короткие), картина складывается прямо противоположная! Уже на третьем примерно рассказе ты оказываешься по другую сторону двери и видишь совсем иную надпись: «ВХОД». И это скорее всего вход в сказку. Пусть даже трагичную, с печальным или не совсем счастливым концом, но все равно сказку. Сказку волшебную.

Проза Петрушевской абсолютно фольклорна, абсолютно сказочна. Хотя это и городские сказки. Что, кстати, выгодно отличает ее от близкого ей по духу «сказочника» (кавычки потому, что все-таки он скорее писатель первого рода, романист, а не рассказчик) Юрия Мамлеева. Сказки Мамлеева (я имею в виду, разумеется, его

«Народно-мифологический цикл», хотя это во многом относится и к другим рассказам) основаны на традиционных русских сказках, описывающих ныне уже не существующий мир, пусть и намного лучший (что, впрочем, тоже еще неизвестно) нынешнего, но все же исчезнувший, стигнувший, ушедший навсегда. Именно поэтому у Мамлеева юмор меньше, а сам юмор чернее. Мир Петрушевской тоже народно-мифологичен, но это городской мир. И фольклор тоже городской: детские «страшные» истории, «любовные рассказы» из девичьих альбомов, городские легенды.

Вот типичное начало рассказов (именно рассказов, а не собственно сказок) у Петрушевской: «Однажды молодая девушка возвращалась зимним вечером с электрички к себе в деревню...», «Одна женщина ненавидела свою соседку, одинокую мать с ребенком...», «Один человек похоронил жену и остался один с дочкой и старухой матерью...», «Один молодой человек Олег остался без отца и матери, когда умерла мать...»

Вот только часть (право, надо бы привести целиком, ну да все равно ж сократят) списка действующих лиц «Диких животных сказок»; КЛОП МСТИСЛАВ, ТАРАКАН МАКСИМКА, ЛЕОПАРД ЭДУАРД, ПАУК АФАНАСИЙ, МОЛЬ НИНА, КОМАР СТАСИК, СВИНЬЯ АЛЛА... Да все наши города от Москвы до Новосибирска как раз и населяют эти самые клоп Максимка и свинья Алла, моль Нина и комар Стасик! Что тут еще сказать? Только лишь то, что сказал Гумберт Гумберт, читая примерно такой же перечень, где на месте, скажем, РОМАШКИ СВЕТА стояла, допустим, ГЕЙЗ ДОЛОРЕС. А именно: поэма, сушая поэма...

Кстати, насчет поэмы. Есть у Петрушевской и стихи. Я имею в виду довольно странное произведение «Карамзин». Автор называет его «Деревенским дневником», но по сути это поэма. Большая по объему, состоящая из коротких (и не очень) фрагментов, действительно чем-то напоминающая дневник. Дневник в стихах:

*жили счастливо
умерли в один день сказка
про электричество*

Но это, так сказать, собственно стихи. А вот, скажем, первое предложение в рассказе «Смотровая площадка». Если расположить его на листе не «прозой», а «стихами», то получится законченное лирическое произведение с сюжетом, настроением, потрясающим, неожиданным финалом. Причем финал одновременно и трогательный, и комичный. Подчеркиваю, это не стихи, это предложение, с которого начинается рассказ, просто я расположил его так, как предполагают стихи:

*Он гладил своих подруг по голове,
просил, чтобы и его погладили по голове,*

и снимал шапку.

Поэма, сушая поэма.